

Ф.О. Трунов

ФРГ как центр влияния в многополярном мире: Особенности подхода к использованию силы

Аннотация. Одним из влиятельных акторов в формирующемся многополярном миропорядке становится ФРГ. Ее превращение в оперирующую на глобальном уровне державу было бы невозможно без активного использования не только экономических и политических, но и военных инструментов в различных регионах. В данной статье анализируется подход Германии к вопросам применения своего военного потенциала на мировой арене с целью утверждения страны в качестве одного из новых центров влияния.

Abstract. Germany becomes one of the most influential actors in the emerging multipolar world order. Its transformation into the power operating on the global level would not be possible without the active use of not only economic and political, but also of military tools in different regions. This article analyzes Germany's position on the use of its military potential on the world stage with a goal of becoming one of the new influential powers.

Ключевые слова: Германия, держава, фактор силы, бундесвер, боевые операции, деятельность по поддержанию мира, конфликты, борьба с терроризмом.

Keywords: Germany, power, factor of force, Bundeswehr, military operations, peacekeeping activity, conflicts, struggle against terrorism.

При изучении процесса формирования и развития архитектуры многополярного миропорядка традиционно значительное внимание исследователей отводится КНР, Индии, РФ, Брази-

лии, ЮАР. По логике правил «игры с нулевой суммой», укрепление позиций данных держав, расположенных за пределами коллективного Запада¹, ведет к соответствующему постепенному уменьшению его роли, доминирующей после окончания холодной войны, в деле решения международных проблем. Признавая научную обоснованность данного подхода, следует также отметить, что перераспределение влияния на мировой арене происходит не только между Евроатлантическим сообществом и внешними акторами, но и внутри него самого. Показательно в этой связи усиление позиций Федеративной Республики Германия, чья роль и место в международной системе координат после ее объединения (1990) и окончания холодной войны заметно изменились.

«Державность» государства определяется его способностью самостоятельно и эффективно использовать весь спектр инструментов внешней политики, в том числе военных. Наличие данной характеристики у государств видный отечественный ученый-международник А.А. Кокошин обозначил термином «реальный суверенитет» [Кокошин, 2006]. В годы холодной войны «старая ФРГ» не обладала реальным суверенитетом. С одной стороны, Федеративная Республика являлась «локомотивом интеграции» в рамках ЕЭС и, обладая развитой промышленной базой, имела с 1970-х годов разветвленные торгово-экономические связи с большинством государств мира, в том числе в Азии, Африке и Латинской Америке. С другой – в военно-политической области Федеративная Республика играла подчиненную по отношению к западным державам (США, Великобритания, Франция) роль. В связи с этим подход официального Бонна к использованию своих вооруженных сил имел две характерные особенности.

Во-первых, процесс их воссоздания проходил под контролем партнеров ФРГ по НАТО. Свыше 80% военнослужащих бундесвера были интегрированы в Североатлантический альянс [Dames, Bötzel, 2015], т.е. подчинены его военным и военно-политическим органам управления. Данный показатель продолжил оставаться на очень

---

¹ Под коллективным Западом и Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств – членов Европейского союза и Североатлантического альянса.

высоком (несопоставимом с Францией или Великобританией) уровне и в постбиполярную эпоху, что подчеркивал российский исследователь-германист А.М. Кокеев [Кокеев, 2009, с. 23–26]. Это положение определяло возможность применения бундесвера преимущественно под эгидой НАТО или иных военно-политических механизмов коллективного Запада, основным из которых стал к середине 2000-х годов институт Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ ЕС).

Во-вторых, учитывая расположение страны «на передовой» НАТО в период холодной войны, усилия вооруженных сил Федеративной Республики были сосредоточены исключительно на обеспечении территориальной обороны страны и ее партнеров по блоку. Соответственно, впервые за многие века своей истории Германия («Боннская республика») отказалась на длительный исторический срок от использования военной силы на мировой арене, а соответствующий запрет был зафиксирован в Основном законе ФРГ (1949). Это положение трактовалось большинством немецких политологов и отечественных германистов в качестве «ненормальности» внешней политики Федеративной Республики [Павлов, 2005, с. 63–65].

Обретение реального суверенитета и превращение в один из центров влияния в складывающейся архитектуре многополярного мира было бы невозможно для «новой ФРГ» без демонстрации возможности использовать бундесвер при решении международных проблем различного характера. В этой связи *задача* настоящей статьи – изучить подход Федеративной Республики к применению своего военного потенциала в постбиполярном мире.

Использование силы как фактор обретения «нормальности» во внешней политике ФРГ

12 сентября 1990 г. по итогам переговорного процесса по «германскому вопросу» ФРГ и ГДР и четырьмя державами – победительницами во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания, Франция) был подписан договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Объединенная Федеративная Республика принимала на себя добровольные обязательства по

значительному сокращению своих вооруженных сил (до уровня не выше 370 тыс. военнослужащих) и отказу от производства ядерного, биологического, бактериологического и химического видов оружия. Вместе с тем «новая ФРГ» признавалась в качестве полноправного члена международного сообщества, способного проводить суверенную внешнюю политику [Договор., 1990, с. 34–37]. Это открывало возможность для использования вооруженных сил страны на мировой арене (в соответствии с нормами международного права), которая практически сразу стала реализовываться.

Уже в апреле 1991 г. правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера (блок ХДС / ХСС и СвДП) выделило оперативную военно-морскую группу для осуществления миротворческой деятельности в зоне Персидского залива после окончания второй иракской войны (1991) [Zeittafel, 1993, S. 13–14]. В 1992–1993 гг. военнослужащие бундсвера привлекались для оказания медицинской и гуманитарной помощи, а также деятельности по поддержанию мира в Камбодже, на территории распадавшейся Югославии и в Сомали. В последнем случае действия «черно-желтого» кабинета были одобрены Бундестагом [The Bundeswehr., 2009, p. 52–53, 58]. Хотя во всех рассмотренных случаях бундсвер выполнял лишь небоевые по своему характеру задачи, федеральное правительство своими прецедентными решениями поставило в практической плоскости вопрос пересмотра статей Основного закона ФРГ о запрете использования бундсвера вне зоны ответственности НАТО.

Уже в январе 1993 г. кабинет Г. Коля / К. Кинкеля разработал соответствующий законопроект. После длительного предварительного обсуждения по нему удалось достичь положительного консенсуса трех ветвей власти. 12 июля 1994 г. Федеральный конституционный суд Германии одобрил внесение поправок в Основной закон страны. В его решении отмечалось, что «с целью обеспечения мира ФРГ должна включиться в коллективную систему безопасности» [Ibid., p. 38] и, действуя в рамках ООН и НАТО, может использовать свои вооруженные силы не только в Европе, но в остальных регионах мира. В каждом конкретном случае планируемого применения бундсвера федеральное правительство должно было запросить разрешение Бундестага. Парламент определял задачи, сроки и

максимальное число военнослужащих, действующих за пределами Германии под эгидой международных структур в области безопасности. 22 июля 1994 г. депутаты Бундестага подавляющим большинством голосов (86,7% присутствовавших на заседании) одобрили расширение возможностей по использованию германских вооруженных сил [The Bundeswehr., 2009]. Тем самым на национальном уровне руководство Германии продемонстрировало стремление вернуть возможность использования вооруженных сил как инструмента внешней политики на глобальном уровне.

Перед правящей коалицией Г. Коля / К. Кинкеля, сохранившейся у власти после выборов 1994 г., встала задача на практике продемонстрировать обретенную юридическую возможность эффективного и легитимного использования вооруженных сил на мировой арене. В 1994 г. бундесвер был задействован под эгидой ООН в деятельности по поддержанию мира и оказанию гуманитарной помощи мирному населению в зоне межплеменного вооруженного конфликта в Руанде. И хотя масштаб германского участия был небольшим (30 солдат и офицеров) [Ibid., p. 53], показателен сам факт применения вооруженных сил ФРГ в южной части Африки.

С начала 1990-х годов официальный Бонн оказывал заметное влияние на ход вооруженных конфликтов на территории распадавшейся Югославии, изначально предпочитая использовать дипломатические и экономические возможности. В 1992–1995 гг. в Боснии разрастался вооруженный конфликт между сербскими ополченцами и военизированными формированиями местных мусульман и хорватов. 28 августа 1995 г. государства – члены НАТО, в том числе Германия, заявили о готовности оказать силовое давление на официальный Белград и его сторонников в Боснии с целью принуждения их к перемирию. Уже 30 августа 1995 г. была начата военно-воздушная операция «Обдуманная сила» (Deliberate Force), в которой приняли участие германские ВВС. Согласие Бундестага было получено еще 30 июня 1995 г. (60,6% парламентариев высказались «за») [Plenarprotokoll 13/48., 1995], что свидетельствовало о предварительной и тщательной проработке законодательной и исполнительной ветвями власти вопроса о первом боевом исполь-

зовании германских вооруженных сил после окончания Второй мировой войны. ФРГ, равно как и ее партнеры по НАТО, рассматривали авиаудары в качестве ключевого фактора, способствовавшего вскоре проявленной официальным Белградом готовности к переговорам. После выработки положений Дейтонского соглашения и его подписания 14 декабря 1995 г. на территории Боснии и Герцеговины (БиГ) в составе сил НАТО по поддержанию мира IFOR (Implementation Force; с 1996 г. – SFOR, Stabilization Force) был размещен трехтысячный германский контингент, ответственный за поддержание мира в зоне прекращенного вооруженного конфликта [Antrag., 1998, S. 2]. В 2004 г. управление военным присутствием стран Запада в БиГ перешло от НАТО к ЕС, развернувшему операцию «Althea». В ее проведении продолжили принимать активное участие и военнослужащие ФРГ. Помимо выполнения задач по поддержанию мира и правопорядка они также активно участвовали в восстановлении разрушенной социально-экономической инфраструктуры [Antrag., 2004, S. 2-4].

В конце 1990-х годов пристальное внимание коллективного Запада было сосредоточено на развитии вооруженного конфликта между отрядами албанцев и югославскими войсками в Косово. 8 и 13 октября 1999 г. страны – участницы НАТО заявили о своей готовности осуществить силовое вмешательство с целью принуждения официального Белграда к прекращению огня. Германские парламентарии 16 октября 1999 г. подавляющим большинством голосов (86%) одобрили боевое использование бундесвера под эгидой НАТО без резолюции Совета Безопасности ООН, проект которой был заблокирован РФ. Несмотря на фактическое нарушение норм международного права, в поддержку применения вооруженных сил ФРГ как члена альянса выступили представители как уходящей в отставку после поражения на выборах 1998 г. «черно-желтой» коалиции, так и лидеры одержавших победу СДПГ (Г. Шрёдер) и Союза 90 / «Зеленые» (Й. Фишер) [Plenarprotokoll 13/248., 1998]. Вновь созданное «красно-зеленое» правительство продолжило последовательный курс на силовое давление на официальный Белград. В условиях отказа югославского руководства от подписания соглашения Рамбуйе, подготовленного при ведущем

участии держав НАТО, ФРГ и ее партнеры по альянсу в ночь с 24 на 25 марта 1999 г. начали военно-воздушную операцию. Вопреки ожиданиям правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера операция затянулась, и продолжение бомбардировок было чревато нарастанием критики действий властей ФРГ внутри страны. Лишь при посредничестве РФ удалось достичь политического решения в виде принятой 11 июня 1999 г. резолюции Совета Безопасности № 1244. Уже на следующий день в Косово были введены международные силы KFOR (Kosovo Force), в том числе 8,5-тысячный контингент бундесвера [Antrag., 2000, S. 1], выполняющий функции по поддержанию мира в зоне замороженного конфликта вплоть до настоящего момента.

Факт боевого использования Германией своей мощи без санкции ООН и лишь на основе решения НАТО, т.е. весьма ограниченного числа членов международного сообщества, продемонстрировал окончательное возвращение внешней политики ФРГ в «нормальное» состояние. Показав способность к использованию рычагов «жесткой силы», Федеративная Республика продемонстрировала свое стремление стать «полноценной» глобально оперирующей державой. В этой связи возникает вопрос: почему именно на территории бывшей Югославии Германия впервые пошла (причем дважды) на демонстративное применение своего военного потенциала? Первая причина является *геополитической*. Балканы исторически (как минимум с последней трети XIX в.) были одним из приоритетных регионов для распространения германского влияния. ФРГ, используя широкий спектр инструментов, поддерживала образование новых, возникавших на территории бывшей Югославии государств, а в дальнейшем стремилась обеспечить их максимально тесное сближение с Евро-Атлантическим сообществом и дальнейшее вступление в ЕС и НАТО. Вторая причина носит *конъюнктурный* характер. На Балканах Германия осуществляла силовое вмешательство в ход вооруженных конфликтов и в последующем принимала участие в деятельности по поддержанию мира под эгидой НАТО, т.е. в теснейшем взаимодействии со своими партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В середине – второй половине 1990-х годов у внешних по отношению к коллек-

тивному Западу акторов отсутствовали реальные возможности (исключая апокалипсический сценарий применения ядерного оружия) по предупреждению его намерений. РФ была политически и экономически ослаблена, а о каком-либо серьезном влиянии Китая или Индии на процессы в Юго-Восточной Европе речь в тот момент вообще не шла. В этой ситуации Германия, позиционируя себя в качестве государства – члена коллективного Запада, использовала возможность для постепенного утверждения себя в качестве глобально оперирующей державы. Заметно возросло влияние Федеративной Республики в НАТО, в том числе в отношении других держав альянса. Именно благодаря активному использованию собственного военного потенциала на Балканах во второй половине 1990-х годов (для решения как боевых, так и небоевых задач) Германия стала одним из центров притяжения в НАТО, чьи позиции заметно укрепились благодаря дальнейшему курсу правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера.

Превращение Германии в параллельный США центр притяжения в НАТО: Значение фактора силы

События 11 сентября 2001 г. на территории США привели к образованию международной антитеррористической коалиции с ведущим участием государств Запада. «Красно-зеленый» кабинет практически немедленно заявил о своей готовности участвовать в ней. Бундесвер был задействован в трех направлениях деятельности проведенных коалицией: «Enduring Freedom» (ОЕФ, операция «Несокрушимая свобода»), «Active Endeavour» (ОАЕ, операция «Активные усилия») и деятельности миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ (ISAF)).

В рамках операции ОЕФ боевые единицы ВМФ ФРГ, тесно взаимодействуя с кораблями стран – партнеров по НАТО, обеспечивали охрану гражданских судов от возможных атак со стороны структур международного терроризма (в первую очередь, «Аль-Каиды») в акваториях Красного моря, Оманского и Аденского заливов, прибрежных водах Сомали [The Bundeswehr., 2009, p. 76]. Кроме того, во второй половине 2000-х годов подразделения германских сил специального назначения использовались в боях с

боевиками «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане. В первой половине 2000-х годов в рамках операции ОАЕ надводные и подводные корабли германских ВМС привлекались к мониторингу и возможному предотвращению террористической угрозы в Средиземном море и прилежащих акваториях (особенно в период подготовки и проведения Олимпийских игр в Афинах (2004)) [The Bundeswehr..., 2009, p. 76].

Наиболее масштабным стало использование бундесвера на территории Афганистана. Численность военнослужащих ФРГ в 2002–2011 гг. поэтапно возросла с 1,2 тыс. [Antrag..., 2002, S. 1] до 5 тыс. [Antrag..., 2011, S. 3]. Германский контингент был третьим по количеству войск среди стран – участниц МССБ (после США и Великобритании). Это сопровождалось, во-первых, расширением географии применения германских солдат и офицеров: помимо района Кабула уже с 2002–2003 гг. военнослужащие ФРГ играли ключевую роль в поддержании мира на территории северо-восточных афганских провинций Бадахшан и Кундуз. Во-вторых, помимо мониторинга ситуации, охраны жизненно важных объектов и нейтрализации отдельных боевиков и их мелких групп бундесвер привлекался к восстановлению социально-экономической инфраструктуры и подготовке национальных сил безопасности (подразделения и части армии и полиции). Кроме того, сотрудники Министерства обороны ФРГ участвовали в межведомственных командах реконструкции провинций [The Bundeswehr..., 2009, p. 81–83], однако их деятельность не привела к полному достижению поставленных целей.

Чем было обусловлено столь активное участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом? С нашей точки зрения, прежде всего это объяснялось стремлением Германии «дореализовать» линию на утверждение себя в статусе глобально оперирующей державы. Если в 1990-е годы значительное по масштабу применение бундесвера было только на территории распадавшейся Югославии, то в 2000-е годы на фоне сохранения военного присутствия на Балканах ФРГ стала использовать бундесвер в широком географическом диапазоне от Средиземного моря и Африканского Рога до Афганистана. При этом необходимо обратить внимание, что рассматри-

ваемое задействование бундесвера не только осуществлялось в строгом соответствии с нормами международного права (в первую очередь, на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 1368, 1373, 1386), но и встречало официальную поддержку широкого круга акторов за пределами коллективного Запада, включая РФ. Фактически в контексте борьбы с международным терроризмом Германия как глобально оперирующая держава заявила о своих интересах в Афганистане и Северо-Восточной Африке и продемонстрировала готовность отстаивать их посредством широкого набора инструментов, в том числе военных.

Активно используя бундесвер под эгидой международной антитеррористической коалиции на протяжении всего периода ее деятельности (2001–2014), одновременно правительство ФРГ последовательно выступало против «глобализации» военной деятельности НАТО. В 2002–2003 гг. администрация Дж. Буша-мл. стала настаивать на превращении альянса из организации с задачами в основном регионального масштаба в структуру, обеспечивающую выполнение целей преимущественно глобального характера. Очевидно, одним из факторов, повлиявших на формирование данного подхода, стала атлантическая солидарность, проявленная ФРГ и другими партнерами США по НАТО, после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. Однако она не означала безальтернативной готовности Германии следовать в военной сфере в фарватере Соединенных Штатов, как это было в годы холодной войны.

Первым показателем расхождений в вопросе определения границ применения силы под эгидой НАТО стала критика «красно-зеленым» кабинетом проекта создания СБР – сил быстрого реагирования альянса (NATO Response Forces (NRF)), которые рассматривались руководством США в качестве инструмента превентивных силовых действий на глобальном уровне. После острой полемики внутри НАТО «красно-зеленый» кабинет в итоге согласился на использование частей и соединений бундесвера в составе СБР [Varwick, 2007, S. 771–772]. Однако вплоть до настоящего момента СБР НАТО не применялись в качестве военного превентивного механизма глобального характера, чему в немалой степени способствовала линия Германии на сохранение Североатлантиче-

ского альянса в качестве организации с целями регионального характера в области международной безопасности.

Еще более углубились противоречия между ФРГ и США во время подготовки администрацией Дж. Буша-мл. военного вторжения в Ирак, когда в качестве псевдопредлога было названо наличие оружия массового поражения у режима Саддама Хусейна. «Красно-зеленый» кабинет не только отверг возможность использования бундесвера в военной кампании, но (совместно с Францией и рядом средних западноевропейских государств) выступил против использования механизма НАТО для ее проведения. Более того, правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера в рамках «тройки» РФ–ФРГ–Франция стремилось урегулировать возникший военно-политический кризис [Mommson, 2003, S. 173], используя для этого возможности ООН и МАГАТЭ – глобальных, а не евро-атлантических структур в области международной безопасности. Показательно, что после начала США и их партнерами по «коалиции желающих» силовой операции (20 марта 2003 г.) правительство ФРГ не отказалось от проводимой линии, тем самым снимая с себя ответственность за последующую дестабилизацию в Ираке.

С 2003 г. помимо использования под эгидой НАТО и ООН бундесвер стал применяться вне зоны ответственности альянса в рамках деятельности механизма ОВПБ ЕС (преимущественно в зонах замороженных конфликтов и конфликтов низкой интенсивности). С этого момента он стал рассматриваться руководством ФРГ в качестве дополняющей Организацию Североатлантического альянса структуры международной безопасности. Данная диверсификация объективно способствовала укреплению позиций Германии как вновь возникающего центра притяжения на мировой арене.

Развитием линии правительства Г. Шрёдера / Й. Фишера стало выдвижение в докладе федерального канцлера от 12 февраля 2005 г. на 41-й Мюнхенской конференции проекта по реформированию НАТО. Документ предполагал перефокусирование альянса с решения преимущественно военных на политические вопросы. В докладе Г. Шрёдера подчеркивалась необходимость увеличения самостоятельности института ОВПБ ЕС в отношении НАТО и параллельного укрепления в нем позиций европейских стран-

участниц. Этому, как справедливо полагал канцлер, должно было способствовать сокращение (в перспективе – полное свертывание) американского военного присутствия в Европе, в первую очередь на территории ФРГ [Schröder, 2005]. И хотя положения доклада не были в значительной степени реализованы, они способствовали постепенному превращению Германии во второй, *параллельный США центр притяжения* в Североатлантическом альянсе. Двумя отличительными чертами политики ФРГ в качестве такого центра было ориентирование альянса на решение задач регионального характера и сдержанный подход к применению силы вне зоны ответственности НАТО.

С нашей точки зрения, в «эру Шрёдера»¹ де-факто выкристаллизовался германский подход к использованию бундесвера. С одной стороны, это отмеченный взвешенный подход к собственно силовому применению вооруженных сил страны за пределами европейского континента. Частным исключением являлась борьба с международным терроризмом как транснациональной угрозой, однако и в этом случае масштаб прямого вовлечения бундесвера непосредственно в боевые действия был незначительным. С другой стороны, руководство ФРГ последовательно расширяло географический диапазон и масштаб вовлечения бундесвера в два теснейшим образом связанных процесса: деятельность по поддержанию мира и помощь в воссоздании института государства (в том числе посредством восстановления социально-экономической инфраструктуры). Этот подход позволял Федеративной Республике не только сохранять, но и укреплять позиции как глобально оперирующей державы, при этом позволяя избежать значительных внутри- и внешнеполитических издержек, связанных с прямым применением военной силы на мировой арене.

---

¹ В немецкой политологии принято называть длительные периоды пребывания конкретного политика на посту канцлера термином «эра».

Особенности подхода ФРГ к использованию бундесвера на мировой арене в «эру Меркель»

В 2005 г. по итогам досрочных парламентских выборов ведущей партией в Бундестаге стал блок ХДС/ХСС. Его представители во главе с А. Меркель составляли большинство в двух правительствах «большой коалиции» (2005–2009; 2013 – н.в.) и «черно-желтом» кабинете (2009–2013). Однако, несмотря на изменение партийно-политического ландшафта в ФРГ, избранная линия официального Берлина в вопросе применения силы осталась неизменной.

Во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов Германия продолжала сохранять значительное военное присутствие в зонах замороженных вооруженных конфликтов на территории Боснии и Косово, пошла на временное наращивание масштабов использования бундесвера для решения «афганской проблемы» [Antrag., 2011, S. 3]. После вывода основных сил МССБ (к концу 2014 г.) ФРГ, как и США, сохранила в Афганистане на период 2015–2016 гг. часть подразделений и группы военных инструкторов и советников, предельная численность которых была установлена Бундестагом в 980 военнослужащих [Der Einsatz., 2016] (что составляло 10% от количества сохраненных администрацией Б. Обамы войск в этом регионе). Достаточно высока вероятность использования Германией бундесвера на афганской территории и после 2016 г. Тем самым Германия демонстрирует свое последовательное стремление сохранить военное присутствие на долгосрочную перспективу и на Балканах (сочетая использование бундесвера под эгидой механизма ОВПБ ЕС и НАТО), и в Центральной Азии (в рамках деятельности Североатлантического альянса).

В Африке бундесвер активно привлекался к деятельности по поддержанию мира в операциях под руководством ООН и особенно ЕС (с 2003 г.). Масштаб наземного применения германской армии в зонах межплеменных вооруженных конфликтов был небольшим (обычно в пределах 150–200 военнослужащих), однако показательно широкий географический диапазон использования бундесвера (Демократическая Республика Конго, Мали, Судан, Сомали, Эфиопия и Эритрея) [The Bundeswehr., 2009, p. 55–57, 89] говорит сам за себя. Не располагая к середине 2010-х годов значи-

тельными практическими военными возможностями (в том числе достаточным количеством баз бундесвера) в Африке южнее Сахары, ФРГ тем не менее демонстрировала интерес к решению проблем безопасности континента с использованием силовых средств.

Значительно более масштабным являлось использование межвидовой (преимущественно морской) группировки бундесвера в акваториях, прилегающих к Африканскому Рогу. С 2002 г. германские боевые корабли привлекались здесь для борьбы со структурами международного терроризма (операция «Активные усилия»), а с 2008 г. – для противодействия пиратам (кампания EUFOR Atalanta (под эгидой ЕС)), причем предельная численность контингента бундесвера была установлена в 1,4 тыс. солдат и офицеров [Antrag., 2010, S. 5]. Столь значительный интерес к использованию военных инструментов в данном регионе был обусловлен его геополитической и геоэкономической значимостью: через Красное море и Аденский залив проходят основные транзитные пути, связывающие Европу и Азию. Используя бундесвер в данном регионе, ФРГ стремилась на долгосрочную перспективу сохранить за собой право свободного захода (сопряженного с обслуживанием) боевых кораблей в ряд военно-морских баз региона, в первую очередь в Джибути [The Bundeswehr., 2009, p. 76]. Пребыванию войск ФРГ в регионе на длительной основе способствовали сохранение здесь напряженности, в первую очередь из-за «сомалийской проблемы», и активизации деятельности структур международного терроризма («Исламское государство», «Аш-Шабаб») в Африканском Роге.

К середине 2000-х годов в условиях приближения структур Евро-Атлантического сообщества (ЕС, НАТО) к постсоветскому пространству актуализировался вопрос вхождения в Североатлантический альянс Грузии и Украины. Нарастившая объемы сотрудничества с ними в политической и экономической сферах, ФРГ выступала против присоединения двух данных государств к Вашингтонскому договору. С точки зрения американских исследователей Р. Менона и Ю. Румера, прежде всего этот подход объяснялся опасностью перерастания возможного военного конфликта этих стран с Россией в полномасштабное противостояние России с НАТО с неконтролируемыми последствиями в случае расширения

альянса [Menon, Rumer, 2015, p. 138–141]. Понимание данного обстоятельства лежало в основе подхода официального Берлина к вопросу об использовании бундесвера в ходе «августовской войны» 2008 г. и украинских событий 2014–2015 гг. Во время Бухарестского саммита НАТО (2008) А. Меркель, поддержанная французским руководством, открыто выступила против распространения альянса на Украину и Грузию [Кокеев, 2009, с. 23–27]. Непосредственно в период развязывания официальным Тбилиси агрессии против Южной Осетии и российской операции по принуждению Грузии к миру германская сторона (в первую очередь МИД ФРГ во главе с Ф.-В. Штайнмайером) прилагала самые активные усилия к быстрой разрядке напряженности. Совместно с Францией правительство «большой коалиции» сыграло от лица коллективного Запада основную роль в выработке «плана Медведева–Саркози». Показательно, что боевые корабли ФРГ в составе оперативной военно-морской группы НАТО появились в Черном море лишь 21 августа 2008 г., т.е. уже после окончания боевых действий [Краткая хронология..., 2008]. Продемонстрировав атлантическую солидарность, официальный Берлин стремился свести к минимуму возможность эскалации в зоне прекращенного конфликта.

Аналогичным был подход кабинета «большой коалиции» к вопросу использования силы и в ходе украинских событий. С одной стороны, ФРГ, жестко критикуя РФ за действия по воссоединению с Крымом и поддержку ополченцев на юго-востоке Украины, последовательно наращивала меры политического и экономического давления на российскую сторону. С другой – кабинет А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера стремился весной – летом 2014 г., т.е. в период острой фазы вооруженного конфликта на востоке Украины, минимизировать участие бундесвера в военных учениях НАТО на территории государств Прибалтики и Восточной Европы, которые могли спровоцировать военное столкновение. Лишь после заключения «Минска-1» и особенно «Минска-2», когда уровень военно-политической напряженности стал снижаться, Германия согласилась наращивать масштабы практического участия в деятельности НАТО в Европе. В частности, кабинет «большой коалиции» пошел на увеличение числа своих военнослужащих и еди-

ниц техники в составе СБР альянса в период своего очередного срока предоставления контингентов в их состав (сентябрь 2014 – сентябрь 2015) [НАТО., 2016]. Таким образом, на постсоветском пространстве ФРГ проявляла стратегическую сдержанность, минимизировав возможность использования военной силы в этом регионе для отстаивания своих интересов.

В условиях возникновения вооруженных конфликтов в ряде государств Ближнего Востока (как следствие «арабского пробуждения») появилась вероятность военного вмешательства в эти конфликты государств коллективного Запада. В ходе голосования в Совете Безопасности ООН 18 марта 2011 г. по проекту резолюции № 1973, направленной на установление бесполетной зоны над втянутой в гражданскую войну Ливией, Германия стала единственной из стран Запада, которая демонстративно воздержалась. С этого момента правительство А. Меркель / Г. Вестервелле начало проводить линию на отказ от боевого использования бундесвера на ливийском театре военных действий [Арзаманова, 2011, с. 11–14].

В ходе начавшейся гражданской войны в Сирии правительство Германии в 2011–2013 гг., участвуя в мерах по укреплению турецко-сирийской границы, последовательно выступало против боевого использования бундесвера в зоне конфликта. Особенно отчетливо приверженность этой линии проявилась в ходе военно-политического кризиса, последовавшего за применением химического оружия в районе Дамаска 21 августа 2013 г. Бездоказательно обвинив в применении химического оружия правительство Б. Асада, США объявили о необходимости военного вмешательства в ситуацию в Сирии. В своем выступлении перед Бундестагом от 3 сентября 2013 г. канцлер А. Меркель объявила о возможности использования германских военнослужащих только под эгидой ООН, НАТО или ЕС [Merkel, 2013]. Де-факто это означало отказ от применения силы Германией, поскольку первый вариант был невозможен из-за несогласия РФ и КНР как постоянных членов Совета Безопасности ООН с курсом США на интервенцию, два вторых – из-за запрета парламента Великобритании на применение ее войск в планируемой операции. Принятие администрацией Б. Обамы плана В.В. Путина по уничтожению арсенала сирийского химиче-

ского оружия в обмен на отказ от проведения военной кампании избавило ФРГ от давления атлантических партнеров в вопросе предоставления бундесвера для выполнения боевых задач.

В условиях нарастания прямой угрозы безопасности со стороны «Исламского государства» для Германии и ее партнеров по ЕС (особенно после актов мегатеррора в Париже 13 ноября 2015 г.) правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера приняло решение использовать военную силу против ИГ. Бундестаг ФРГ 4 декабря 2015 г. одобрил направление контингента бундесвера численностью 1,2 тыс. военнослужащих на Ближний Восток [Plenarprotokoll 18/144., 2015]. Однако применение бундесвера имело две особенности, которые де-факто нивелировали его «боевой» характер. Во-первых, ФРГ присоединилась к международной антитеррористической коалиции лишь год спустя после ее образования (в отличие от ситуации 2001 г.), оттягивая оказание реальной военной помощи партнерам по НАТО. Во-вторых, согласно мандату, германские военнослужащие не должны были непосредственно участвовать в боевых действиях, а могли участвовать только в осуществлении разведки и охране тылов союзников по НАТО, при этом действуя в основном за пределами Сирии и Ирака [Ibid.]. Это показывает, что к прямому применению силы на Ближнем Востоке ФРГ относилась очень осторожно, рассматривая его в качестве средства поддержки прилагаемых политических и экономических усилий (в данном случае – в рамках участия в общесирийском диалоге). В этой связи обращает на себя внимание и ширококомасштабное использование бундесвера в операции по поддержанию мира в зоне конфликта Израиля и «Хизбаллы» (2006) [The Bundeswehr., 2009, p. 92], главной целью которого, по нашему мнению, является политическое желание продемонстрировать свое возрастающее влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Решение вопроса о применении национальных вооруженных сил за пределами традиционной зоны ответственности НАТО в значительной степени определяло роль и место Германии в новой политической системе координат, складывавшейся после окончания холодной войны. В 1990-е годы, стремясь доказать обретение

состояния «нормальности» во внешней политике страны, руководство «новой ФРГ» стремилось продемонстрировать возможность своих вооруженных сил решать задачи как небоевого (по поддержанию мира), так и боевого характера на мировой арене. Данная задача была решена посредством использования ВВС Германии в военно-воздушных операциях НАТО против Югославии (1995; 1999). При этом Федеративная Республика была далека от возвращения к милитаризации своей внешней политики – собственно военный вклад ФРГ в осуществление кампаний НАТО был значительно ниже возможностей бундесвера и потому рассматривается нами в качестве *одного из, но далеко не единственного* инструмента реализации державных политических амбиций.

В 2000-е – начале 2010-х годов Германия, с одной стороны, продолжала увеличивать масштаб и региональный диапазон операций по поддержанию мира с участием бундесвера, приняв также участие в двух антитеррористических коалициях (образованы в 2001 и 2014 гг.). С другой стороны, – с начала XXI в. правительство ФРГ, вне зависимости от его партийного состава, последовательно проводило курс на отказ от силового использования бундесвера за пределами Европы. *Первая* причина этого состояла в том, что на Ближнем Востоке, в Северной и Центральной Африке геополитические интересы ФРГ были менее четко выражены, а позиции слабее, чем в Европе. В этой связи Германия стремилась избежать использования своего военного потенциала по прямому «классическому» назначению, снимая с себя ответственность за будущую возможную дестабилизацию ситуации, в том числе – в представлении региональных игроков. На постсоветском пространстве – одном из приоритетных географических направлений во внешней политике ФРГ – отказ от применения силы обуславливался стремлением не допустить прямой военной конфронтации с РФ с непредсказуемыми последствиями.

Отказываясь от неограниченного и часто осуществляемого в нарушение норм международного права применения военной силы за пределами Европы, ФРГ де-факто утверждалась в качестве нового, параллельного США, центра притяжения как в НАТО, так и в Евро-Атлантическом сообществе в целом. В этом мы видим *вто-*

рую причину курса Федеративной Республики, направленного на стратегическую сдержанность.

Проведенный анализ подхода ФРГ к применению своего военного потенциала на мировой арене показывает, что в 1990-е годы («эра Коля») Германия посредством тесного сотрудничества с США стремилась обрести статус глобально оперирующей державы. В первой половине 2000-х годов («эра Шрёдера») Федеративная Республика уверенно утверждалась в этом качестве, при этом дистанцируясь в военно-политической сфере от официального Вашингтона, а с середины 2000-х годов («эра Меркель») уже твердо позиционировала себя в качестве одного из новых центров влияния в мире.

Список литературы

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса–2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 26 (42). – С. 11–15.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации / МИД РФ. – М.: Международные отношения, 1994. – Вып. 47: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года. – С. 34–37.

Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2009. – № 7. – С. 21–27.

Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. – М.: Европа, 2006. – 140 с.

Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру // МИД РФ. – М., 2008. – 30.09. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e00504f75!OpenDocument> (Дата обращения – 22.07.2016).

Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: Новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2005. – № 2. – С. 63–75.

Antrag der Bundesregierung: Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation «ALTHEA» zur weiteren Stabilisierung des Friedensprozesses in Bosnien und Herzegowina im Rahmen der Implemen-

tierung der Annexe 1-A und 2 der Dayton-Friedensvereinbarung sowie an dem NATO Hauptquartier Sarajevo und seinen Aufgaben, auf der Grundlage der Resolution 1575 (2004) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 22.11.2004 / Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/4245. – Berlin, 2004. – 22.11. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/042/1504245.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Deutsche Beteiligung an der von der NATO geplanten Operation zur weiteren militärischen Absicherung des Friedensprozesses im früheren Jugoslawien über den 19. Juni 1998 hinaus (SFOR-Folgeoperation) / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Drucksache 13/10977. – Bonn, 1998. – 17.06. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/109/1310977.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) vom 20. Dezember 2001 und 1413 (2002) vom 23. Mai 2002 und 1444 (2002) vom 27. November 2002 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/128. – Berlin, 2002. – 03.12. – 4 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/15/001/1500128.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 1943 (2010) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402. – Berlin, 2011. – 13.01. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/044/1704402.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias auf Grundlage des Seerechtsübereinkommens der Vereinten Nationen von 1982 und der Resolutionen 1814 (2008) vom 15. Mai 2008, 1816 (2008) vom 2. Juni 2008, 1838 (2008) vom 7. Oktober 2008, 1846 (2008) vom 2. Dezember 2008, 1897 (2009) vom 30. November 2009 und nachfolgender Resolutionen des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen in Verbindung mit der Gemeinsamen Aktion 2008/851/GASP des Rates der Europäischen Union vom 10. November 2008, dem Beschluss 2009/907/GASP des Rates der Europäischen Union vom 8. Dezember 2009, dem Beschluss 2010/437/GASP des Rates der Europäischen Union vom 30. Juli 2010 und dem erwarteten Beschluss des Rates der Europäischen Union vom 13. Dezember 2010 /

Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/3691. – Berlin, 2010. – 10.11. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/036/1703691.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der deutschen Beteiligung an einer internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo zur Gewährleistung eines sicheren Umfeldes für die Flüchtlingsrückkehr und zur militärischen Absicherung der Friedensregelung für das Kosovo auf der Grundlage der Resolution 1244 (1999) des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen vom 10. Juni 1999 / Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/3454. – Berlin, 2000. – 25.05. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/034/1403454.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Dames M., Bötzel F. Armee im Kalten Krieg // Bundeswehr. – Berlin, 2015. – 24.09. – Mode of access: http://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/!ut/p/c4/DcgxDoAgDADAt_iBdnfzF-pWoJQGUg1U_b7ktsMTJ6NXhVwvo4Y7HlHX8EH4EsPwzuq1E2dnkP5YaiRsIDxi0VjmkmViE8a7bssPcobChA!/ (Дата обращения – 22.07.2016).

Der Einsatz in Afghanistan // Bundeswehr. – Berlin, 2016. – 07.04. – Mode of access: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/!ut/p/c4/LcgxDoAgDEbhs3gBurt5C3UhP1q0gRQTqiScXgfzpu_RSI-KRw6YFEWm mZZNxtBcaDt7Fq2w_hHJbs75X2ydHeJxQqUa1InG4qUi0pWm4QWiPd-F/ (Дата обращения – 22.07.2016).

Menon R., Rumer E. Conflict in Ukraine: The unwinding of the post-Cold War order. – Cambridge, MA: MIT press, 2015. – 221 p.

Merkel A. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag // Die Bundesregierung. – Berlin, 2013. – 03.09. – Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2010-2015/2013/09/87-1-bk-bt.html> (Дата обращения – 22.07.2016).

Mommsen M. Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht. – München: C.H. Beck, 2003. – 260 S.

NATO Response Force / NATO. – 2016. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 13/48: Stenographischer Bericht / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode, 48. Sitzung. – Bonn, 1995. – 30.06. – S. 3953–4044. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/13/13048.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 13/248: Stenographischer Bericht / Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode, 248. Sitzung. – Bonn, 1998. – 16.10. – S. 23127–23176. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/13/13248.pdf> (Дата обращения – 22.07.2016).

Plenarprotokoll 18/144: Stenografischer Bericht / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode, 144. Sitzung. - Berlin, 2015. - 04.12. - S. 14105-14272. - Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18144.pdf> (Дата обращения - 22.07.2016).

Schröder G. Die strategischen Herausforderungen erfordern primär keine militärischen Antworten: Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik // AG Friedensforschung. - Berlin, 2005. - 12.02. - Mode of access: <http://www.agfriedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (Дата обращения - 22.07.2016).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad / Federal ministry of defense. - Berlin, 2009. - 120 p.

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). - Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. - S. 763-778.

Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1990 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990-1993 / Auswärtigen Amt. - Bonn, 1993. - S. 13-18.